

Litera

Правильная ссылка на статью:

Грибер Ю.А. — Геронтолингвистика цвета: обзор исследований // Litera. – 2020. – № 5. – С. 79 - 99. DOI: 10.25136/2409-8698.2020.5.32890 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32890

Геронтолингвистика цвета: обзор исследований

Грибер Юлия Александровна

доктор культурологии

профессор, Смоленский государственный университет

214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

✉ y.griber@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2020.5.32890

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2020

Дата публикации:

20-05-2020

Аннотация.

Целью статьи является обзор существующих исследований в области геронтолингвистики цвета – новой отрасли лингвистической науки, пограничной для геронтолингвистики и лингвистики цвета, изучающей состояние лексики цветообозначений в словаре людей пожилого и старческого возраста. Автор подробно рассматривает существующие работы, обсуждающие размеры и границы отдельных цветовых категорий, сложность словаря цветоименований в речи различных поколений носителей определенного языка, межпоколенную динамику цветоименований, ошибочное использование терминов цвета пожилыми людьми и возможности моделирования связанных с возрастом физиологических изменений цветового зрения. Поиск источников осуществлялся через системы РИНЦ, Google Scholar, Scopus, Web of Science. В процессе работы использовались методы теоретического и сравнительного анализа, систематизации и обобщения материалов. Новизна исследования заключается в целостном, комплексном обзоре научных публикаций в области геронтолингвистики цвета с точки зрения сопоставления тем, эмпирического задела, методов и методологии изучения цветового словаря пожилой популяции. Особым вкладом автора в изучение темы является выделение и описание сложившихся тенденций объяснения возрастных изменений цветового словаря и обсуждение перспектив дальнейшего развития инструментария экспериментального исследования.

Ключевые слова: научный обзор, геронтолингвистика, язык пожилых людей, лингвистика цвета, цветоименование, цветовой словарь, возрастные различия, цвет, пожилые люди, основные цветоименования

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09145 «Картография цвета: диагностика развития цветоименований русского языка с использованием естественно-научных, историографических, социологических и психологических методов». Статья подготовлена участником Программы стажировок работников и аспирантов российских вузов и научных организаций в НИУ ВШЭ на базе Центра языка и мозга на основе данных, полученных в период стажировки.

Введение

Речь пожилых людей, старческая речь традиционно считается одним из «белых пятен» на карте современной лингвистики, что во многом объясняется трудностью сбора материала и сложностью отделения действительно «возрастного» от социального, гендерного, профессионального, индивидуального, которые, к тому же, меняются со сменой эпох [\[1, с. 86\]](#).

Это особенно заметно в российской науке: поиск по ключевому слову «геронтолингвистика» в базе данных РИНЦ дает в результате всего четыре публикации. В зарубежной науке язык пожилых людей представляет собой более разработанную область исследований, мощные импульсы к развитию которой дали ранние эксперименты в области когнитивного старения (см. подробные обзоры существующих теорий: [\[2; 3\]](#)).

Отметим, что возрастные границы социальной группы, которую в лингвистике принято относить к категории пожилых людей, довольно размыты и часто не совпадают с принятыми в социологии и геронтологии возрастными классификациями. В качестве критериев обычно используются заметные изменения физических и когнитивных функций [\[4\]](#), возраст выхода на пенсию [\[5\]](#) и ряд других.

Экспериментальные исследования речи пожилых людей свидетельствуют о том, что разные языковые способности с возрастом меняются в разной степени. Как правило, эксперименты касаются одного или нескольких из доменов: фонологического (связанного со звуками языка), лексического (уровня слов), семантического (связанного со значением), синтаксического (уровня фраз и предложений), дискурсивного (связанного с группами фраз или предложений) или прагматического (связанного с контекстуальной информацией и знаниями о реальном мире) [\[6\]](#).

Лексический уровень изучен лучше других, особенно в части извлечения слов. В экспериментах на перечисление, когда участников разного возраста просят назвать как можно больше объектов определенного класса (например, животных) за определенное время (обычно за 1 минуту), пожилые участники обычно называют меньше слов, чем молодые. Они более медленны и допускают больше ошибок и в назывании объектов, изображенных на рисунках [\[6\]](#). Отмеченные возрастные различия проявляются достаточно рано и заметны уже у 50-летних, однако достигают своих максимальных значений у информантов старше 70 лет (см., напр.: [\[7\]](#)). Тем не менее, исследователи склонны считать, что такие различия скорее всего связаны с недоступностью фонологической формы. Хотя пожилые люди чаще, чем молодые, испытывают трудности с называнием нужного объекта во время разговора (см., напр.: [\[8–10\]](#)), они при этом

знают больше слов [11–14], имеют более богатые семантические образы, чем молодые, и, как правило, не испытывают проблем с семантическим поиском [15; 16].

Полученные данные показывают, что семантические и лексические знания накапливаются на протяжении всей взрослой жизни и остаются относительно стабильными вплоть до старческого возраста (см., напр.: [3; 17]). Согласно проведенным исследованиям, 20-тилетний носитель американского английского знает в среднем 42000 лемм и 4200 многокомпонентных словосочетаний, вместе образующих около 11100 семейств слов. В возрасте от 20 до 60 лет среднестатистический американец узнает еще 6000 лемм, это примерно одна лемма в два дня [13]. Однако после 70 лет словарь начинает заметно сокращаться (см., напр.: [18]). Главным образом, за счет того, что из лексикона постепенно исчезают слова с низкой частотой [19–21], а новые семантические связи образуются крайне медленно (см., напр.: [22; 23]).

Все эти и подобные исследования убедительно показывают, что люди разного возраста различаются по количеству и содержанию опыта [14], профессиональному статусу [24], социальными связями [25], опыту использования Интернета и социальных сетей [26], что не может не отразиться на их языке: меняется ментальный лексикон [14], языковое варьирование [5], лексическое разнообразие и размер словаря [13], способность обозначать объекты и осуществлять лексическое извлечение [7], а также другие языковые домены (см. подр.: [3; 5; 6; 10; 27]).

Вместе с тем, для социолингвистики пожилые люди часто остаются «невидимыми» [28, с. 29; 29, с. 159,165; 30, с. 72], а если и изучаются, то исключительно в сравнении с другими возрастными группами и как гомогенная популяция, защищенная от влияния таких важных для развития языка социальных факторов, как пол, социальное положение, этнос и т.п. [5]. Более того, язык пожилых людей часто ассоциируется с социолингвистическим не-развитием [31], под влиянием которого игнорируется возможность воздействия на свойственные ему механизмы социокультурных факторов и опыта позднего периода жизни.

Тем более это касается исследований цветового словаря пожилых людей, который стал объектом специальных исследований крайне редко. Тем не менее, такие исследования есть. Цель статьи заключается в том, чтобы представить обзор существующих работ в области геронтолингвистики цвета с точки зрения имеющегося эмпирического задела, сопоставления тем, методов и методологии исследования цветового словаря пожилой популяции.

Поиск источников осуществлялся через системы РИНЦ, Google Scholar, Scopus, Web of Science, В процессе работы использовались методы теоретического и сравнительного анализа, систематизации и обобщения материалов.

(1) Размер и границы отдельных цветовых категорий

(1.1) Основные цветоименования

Впервые о том, что параметры цветового словаря могут быть связаны с социальными характеристиками носителей языка (их полом, возрастом, уровнем образования и сферой профессиональной деятельности) речь зашла в контексте анализа основных цветоименований.

Согласно теории основных цветоименований [\[32\]](#), развитие цветовой лексики всех языков подчиняется универсальным закономерностям. Эволюция цветовой системы проходит семь стадий, и основные цветообозначения – немотивированные термины цвета, которые входят в идиолект всех информантов, обладают высокой частотностью, устойчивой референцией, широкой сочетаемостью и психологической значимостью для носителей определенного языка, – появляются в разных языках в одном и том же порядке (рис. 1).

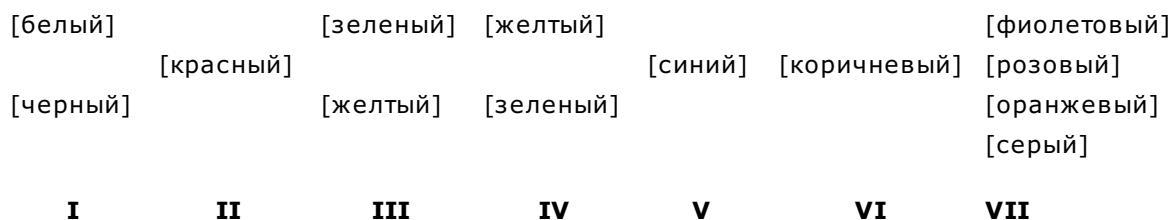

Рис. 1. Стадии эволюции системы основных цветообозначений [\[32, с. 4\]](#)

В языках, обладающих развитой системой цветообозначений, существует 11 основных цветообозначений. Шесть из них являются первичными, поскольку на них реагирует зрительный нерв – это ахроматические цветковые категории черный и белый и хроматические красный, зеленый, желтый и синий. Остальные пять категорий – вторичные, они появляются на последних стадиях эволюции системы цветоименований языка и соответствуют тем участкам цветового спектра, в которых цвета двух первичных категорий смешиваются (коричневый, розовый, оранжевый, фиолетовый, серый).

Исследуя универсальные закономерности в развитии языков, П. Кей заметил, что в одном и том же обществе количество основных цветковых категорий может существенно различаться. Он провел повторный анализ уже опубликованных данных изучения цветковых словарей носителей трех языков [\[33\]](#): индейского языка Перу агуаруна (N=55); футунского языка, на котором говорят жители расположенных в западной части Полинезии островов Хорн (N=42); и одного из языков Папуа Новой Гвинеи бинумариен (N=25). Анализ показал, что у носителей одного и того же языка количество основных категорий может быть разным и зависит от возраста. У людей старше – менее сложная детализация цветового пространства: они используют меньше цветковых терминов, обозначающих меньшее количество цветковых концептов по сравнению с участниками младше. Это исследование позволило П. Кею сделать важный вывод о том, что цветковая система языка находится в непрерывном развитии, и люди разного возраста по-разному усваивают лексические изменения.

Несколькими годами позже Ж. Догерти [\[34\]](#) представила аналогичное исследование на материале западно-футунского языка, родного языка жителей тихоокеанских островов Футуна и Вануату. В ее эксперименте приняли участие 45 взрослых носителей языка и 24 ребенка в возрасте от 9 до 15 лет. Информантам по очереди показывали 40 окрашенных в 11 основных цветов предметов и просили назвать их цвет. После этого они должны были выбрать в атласе Манселла цветковые образцы, соответствующие каждому из названных и не названных ими 11 основных терминов. Как и в исследовании П. Кея [\[32\]](#), анализ данных эксперимента показал, что информанты оперировали разным количеством основных терминов и что число категорий зависело от среднего возраста участников. Дети использовали наибольшее количество основных категорий – от семи до девяти. Однако с возрастом число основных цветоименований сокращалось до шести в группе со средним возрастом 35.1; самые старшие участники эксперимента (средний возраст –

48.3 года), называя цвет, использовали лишь пять цветообозначений: белый, черный, красный, желтый и зелено-синий (grue – общую категорию для синего и зеленого).

Несколько десятилетий спустя возрастные и межпоколенные различия использования всех или нескольких основных цветонаименований исследовали на материале ряда европейских языков – французского [35; 36], немецкого [36], испанского [37].

И. Форбс [35] изучила различия в использовании разными поколениями носителей французского языка цветонаименований *brun* и *marron* для обозначения коричневого цвета. С помощью карточек системы Манселла, она провела один и тот же эксперимент дважды с разными участниками, в 1975 и 1995 годах. Оба раза в исследовании приняли участие 22 человека разного возраста и пола. Половину участников просили выбрать среди предложенных карточек одну, которая лучше всего соответствовала термину *brun*. Вторая половина респондентов выполняла такое же задание, но с другим цветонаименованием – из тех же самых предложенных карточек они должны были выбрать максимально точное соответствие для термина *marron*. Эксперимент показал заметные межпоколенные различия в обозначении коричневого: значительно большую популярность у старшего поколения термина *brun*, и наоборот, более низкую частоту встречаемости термина *marron*, что позволило исследовательнице сделать выводы о заметной динамике современной системы основных цветонаименований французского языка.

Используя похожую методологию, М. Десгрип [36] изучила цветовую категоризацию в оранжевой части спектра в современных французском и немецком языках. В ее эксперименте приняли участие 52 респондента в возрасте от 11 до 90 лет, половина которых были носителями немецкого языка, вторая половина – носителями французского. Участникам предлагалось назвать 62 оттенка из атласа Манселла, расположенных в красно-желтой части цветового спектра, и указать один оттенок, который, по их мнению, лучше всего соответствовал цветонаименованию *оранжевый*. Эксперимент показал, что с увеличением возраста в обоих языках увеличивается область, соответствующая когнитивной репрезентации оранжевого цвета. При этом участники старшего возраста использовали характерную стратегию выбора фокального цвета: определяя прототипический оранжевый цвет, они вели себя как билингвы, у которых изучение второго языка часто приводит к смещению цветовых категорий. Выбирая прототипический оранжевый, респонденты старшего возраста отмечали цветовые образцы, которые по своим характеристикам были ближе к репрезентации оранжевого у молодой группы, чем к их собственной.

В 2012 году были опубликованы результаты изучения возрастных особенностей использования основных цветонаименований носителями испанского языка [37]. В эксперименте приняли участие 45 информантов в возрасте от 19 до 98 лет. Участников просили выполнить два задания: (1) выбрать из предложенных цветных карточек Естественной системы цвета NCS (N=102) все те, которые можно было бы обозначить каким-либо из основных цветонаименований; и (2) указать, какой из цветовых образцов подходит для обозначения каждого из основных цветонаименований больше всего. Эксперимент показал, что пожилые участники используют основные цветообозначения принципиально по-другому по сравнению с молодыми. В их системе цветонаименований не существует отчетливой границы между некоторыми цветовыми категориями, и они испытывают трудности в различении синего и зеленого, черного и синего, коричневого и фиолетового, фиолетового и розового. По мнению исследователей, этот результат имеет выраженный прикладной потенциал, который необходимо учитывать в цветовом дизайне.

Цвета, которые пожилые люди плохо различают, лучше не использовать для выделения и маркировки предназначенных для них объектов. Например, чтобы сделать более подходящим для пожилых людей восприятие политической карты, где цвет используется для того, чтобы показать границы и расположение отдельных стран, лучше избегать в обозначении соседних стран тех цветов, которые люди в возрасте плохо различают (например, синего и зеленого или фиолетового и коричневого).

(1.2) Неосновные цветоименования

Кроме основных категорий цветовой словарь большинства языков включает неосновные термины цвета – референтные цветообозначения, сложные слова и словосочетания, которые становились предметом самостоятельного исследования с точки зрения возрастных различий гораздо реже. К числу работ, в которых представлен анализ возрастных изменений размеров и границ неосновных категорий, относятся исследования Л. Самариной [38; 39], Ю. Грибер, Г. Парамей и Д. Милонаса [40].

Материалом исследования Л. Самариной [38; 39] стали языки народов Кавказа – кабардино-черкесский, адыгейский, карачаево-балкарский, осетинский, ногайский, абазинский, ингушский, аварский, даргинский, грузинский и азербайджанский. В 1989–1993 годах она изучила возрастные и гендерные различия цветового словаря неосновных цветоименований у представителей 13 этнических групп Дагестана (аваров, даргинцев), Грузии (грузин, азербайджанцев) и Северного Кавказа (кабардин, черкесов, адыгейцев, карачаев, балкаров, осетин, ногайцев, абазин, ингушей). В исследовании приняли участие 116 человек в возрасте от 20 до 99 лет.

Сравнительный анализ цветового словаря трех поколений носителей показал, что во всех исследуемых культурах пожилые люди, независимо от пола, использовали больше отобъектных цветоименований, образованных от названий культурных и диких растений (малина, каштан), продуктов (желток, печень), окрасок домашних животных (гнедой, чалый), названий зверей и птиц, которые живут около людей (мышь, голубиная шея), природных материалов и растений, из которых получают натуральные красители (дубовая кора, древесная смола, марена). В их цветовом словаре практически полностью отсутствовали новые для исследуемых языков цветочные термины, которые, как правило, представляли собой заимствования из русского языка и часто встречались в речи молодых носителей. При этом молодые носители, с небольшими исключениями, знали все термины, которые использовали представители старшего поколения, однако не всегда правильно понимали их денотативное значение (например, не могли точно сказать, какой оттенок имеет марена).

Интересно, что большинство зафиксированных отобъектных цветоименований обозначали теплые оттенки, что совпадает с наблюдением А.М. Кристал за развитием цветового словаря диалектов Южной Италии [41, с. 139]. По мнению исследователя, сельские сообщества могли бы легко обойтись без цветоименований для синих оттенков вообще, поскольку эти оттенки нечасто используются в практике за пределами моды, искусства и литературы. Как справедливо заметил Р.С. Вудворт [42, с. 328], если бы коровы были коричневыми или зелеными, история развития цветового словаря выглядела бы совершенно по-другому.

В 2018–2019 годах исследование референтных цветоименований было проведено на материале русского языка [40]. Анализировались данные, полученные в ходе он-лайн эксперимента (<http://colournaming.com>), в котором приняли участие 2457 человек (1402

женщины и 1055 мужчин) в возрасте от 16 до 95 лет (средний возраст – 42,54; SD=17,71). Процедура эксперимента включала несколько этапов, на главном из которых респонденту последовательно предъявлялись равномерно окрашенные карточки (цветовые образцы), случайно отобранные компьютером из палитры эксперимента, и предлагалось назвать каждый цвет, используя наиболее подходящее цветообозначение (простые и составные слова, словосочетания, предложения). Палитра состояла из 606 цветовых образцов, которые были определены в цветовом пространстве RGB, выбраны и записаны с помощью условных обозначений системы Манселла.

Анализ полученных ответов (N=55818) показал, что треть из них (33%) содержала производные от объектов цветоименования, а 12% (6811 ответов) были образованы от названий продуктов и различных видов еды. Перечень «съедобных» референтов включал 110 наименований и в возрастных группах носителей русского языка заметно различался. Наиболее существенно отличались перечни референтов в классах овощей, сладостей и напитков. Самые молодые участники эксперимента, называя цвета, использовали всего три вида овощей (морковь, салат и баклажан), в то время как участники старшего возраста уверенно оперировали 14 различными референтами из этого класса, включая такие, как свекла, редис, горох, кабачок, картофель, огурец, паприка, тыква и др. Наоборот, пожилые участники значительно реже, чем молодежь, описывали оттенки, сравнивая их по цвету с различными сладостями (шоколадом, сахарной ватой, ирисом, сахаром, печеньем, щербетом, медом, кремом, карамелью, мороженым, джемом, ванилью или даже жевательной резинкой) и напитками (кофе, какао, эспрессо, капучино, мокко, вином, портвейном, ликером, шампанским). По мнению исследователей, выявленные различия связаны с социальными и экономическими изменениями, произошедшими в российском обществе за последние десятилетия и повлиявшими на жизненный опыт и «гастрономическую» реальность носителей русского языка, представляющих разные поколения.

(2) Размер и структура цветового словаря

(2.1) Сложность цветового словаря

Существует на удивление мало исследований, посвященных количественному описанию возрастных изменений активного цветового словаря у носителей определенного языка. К их числу относятся работы Э. Рич [\[43\]](#), Д. Симпсон и А. Таррант [\[44\]](#), Е. Рябиной [\[45; 46\]](#). Все три исследования имеют похожий экспериментальный дизайн, разработанный для измерения сложности цветового словаря, но используют разный с точки зрения применявшихся цветовых систем и количества стимулов инструментарий.

Э. Рич [\[43\]](#) использовала в своем эксперименте 25 цветных карточек, вручную раскрашенных мелками Crayola. Для каждой карточки выбирался один цвет из набора, включающего 64 мелка. Каждого участника эксперимента просили представить себе, что он купил себе рубашку, а теперь хочет купить абсолютно такие же по цвету брюки, но рубашку с собой не взял; его задача – максимально точно объяснить продавцу, что за цвет ему нужен. Одно и то же цветоименование можно было использовать для обозначения цвета несколько раз.

Точное количество участников в описании эксперимента не указано, но известно, что это были носители английского языка разного возраста, пола и рода деятельности. По этим характеристикам ответы участников разделили на пять групп и провели их сравнительный анализ.

Качества выбранного цветонаименования оценивались в баллах: один балл присуждался, если для обозначения цвета было выбрано основное цветонаименование (*красный, синий* и т.п.); два – сложное цветонаименование, образованное от основного с помощью приставочных слов темно-, светло- (*светло-красный*) или с помощью другого основного (*желтовато-зеленый*); три – если сложное цветонаименование было образовано из основного с помощью других слов (*травянисто-зеленый*) и четыре – если цветообозначение не было производным от основного. Таким образом, максимально каждый участник мог набрать 100 баллов.

Эксперимент показал, что с возрастом цветовой словарь становится проще, причем больше всего он меняется у мужчин: мужчины старшего возраста реже, чем более молодые мужчины, используют цветочные термины, не образованные от основных, и чаще повторяют одни и те же цветонаименования, чтобы обозначить разные цвета. По шкале эксперимента разница между молодыми мужчинами и мужчинами в возрасте составляет 9 баллов (56 и 47 баллов соответственно). В женской группе возрастные различия сложности цветочного словаря не выявлены.

В проведенном десятилетием позже эксперименте Д. Симпсон и А. Таррент [\[44\]](#) использовалось 200 цветочных образцов системы ISCC-NBS (Inter Society Colour Council, National Bureau of Standards). Участникам предлагалось за 15 секунд подобрать для каждого цветочного образца, которые им показывали, наиболее подходящее название. Временной лимит был установлен для того, чтобы участники называли только те цветонаименования, которые они действительно используют: отведенного времени должно было хватить на то, чтобы вспомнить название, но было недостаточно, чтобы его придумать.

В эксперименте приняли участие 50 носителей английского языка разного возраста (26 женщин и 24 мужчины). Чтобы установить возрастные различия, экспериментаторы сравнивали между собой ответы участников младше 30 и старше 40 лет.

Чтобы сравнить полученные данные с результатами эксперимента Э. Рич [\[43\]](#), качества выбранных цветонаименований дополнительно оценивались по трехбалльной шкале сложности. Один балл присуждался за использование основного цветонаименования, два – за любое цветонаименование, производное от основного и три – за неосновной термин цвета.

В отличие от исследования Э. Рич [\[43\]](#), эксперимент Д. Симпсон и А. Таррент показал противоположный результат. Ученые пришли к выводу, что с возрастом цветочный словарь не уменьшается, а, наоборот, увеличивается за счет роста числа специфических неосновных цветонаименований (например, таких, как *маджента*, *бледная маджента* или *нефритово-зеленый*) [$F(1,46) = 8.52, p = 0.005$].

В 2007–2008 годах Е. Рябина [\[45; 46\]](#) еще раз использовала похожий экспериментальный дизайн, чтобы изучить межпоколенные различия размера и структуры цветочного словаря у носителей удмуртского языка. На этот раз стимулы ($N=65$) были разработаны на основе карточек «Color Aid» и соответствовали оттенкам, отобранным из цветочного спектра В. Оствальда. Эксперимент состоял из двух частей. Сначала участников просили перечислить все цветонаименования, которые они могли вспомнить. Затем – назвать 65 цветочных квадратов.

В исследовании приняли участие 111 удмуртов (67 женщин и 44 мужчины) в возрасте от 9 до 77 лет. Всех участников разделили на 6 групп с учетом возраста, пола и профессии.

Сложность цветоименований оценивалась по шкале Э. Рич [43]. Участники могли пропускать цветные квадраты, если затруднялись назвать их.

В исследовании подтвердились данные Д. Симпсон и А. Таррант [44] о том, что респонденты старшего поколения используют больше сложных и специфичных цветоименований, чем молодые. По шкале эксперимента разница между женщинами из младшей и старшей возрастных групп составила 21 балл (95 и 116 баллов соответственно), у мужчин разница оказалась почти незаметной (1 балл). Было также установлено [46], что в южно-удмуртском языке существуют некоторые цветоименования, которые знают исключительно пожилые женщины.

(2.2) Динамика цветоименований

Несколько лет назад наметилось новое направление анализа возрастных изменений структуры цветового словаря с точки зрения механизмов неологизмов, их влияния на другие лексические единицы и взаимодействия с ними. Импульсом для развития нового направления стало исследование С. Вейдемо [47, с. 50–85], которое она выполнила на материале шведского языка, сравнивая его с семи другими германскими языками. В эксперименте приняли участие два поколения носителей шведского языка: молодежь, родившаяся в период с 1974 по 1992 год (N=19, средний возраст 25 лет), и пожилые люди, родившиеся в период с 1947 по 1959 год (N=19, средний возраст 61 год).

Респондентам последовательно предъявляли 84 цветовых образца и просили назвать оттенки первым пришедшим на ум цветоименованием. Одно и то же название можно было использовать несколько раз. Участников просили не думать над заданием долго и стараться не использовать слишком длинные названия.

Эксперимент показал, что участники из обеих возрастных групп большинство цветоименований использовали похожим образом. Исключение составляли термины, обозначающие оттенки в розовой и фиолетовой частях спектра – *rosa* 'розовый', *skär* 'розовый', *violett* 'фиолетовый', *blå* 'синий', *röd* 'красный', *svart* 'черный' ($p < 0.05$), *lila* 'фиолетовый' ($p = 0.052$), *gredelin* 'фиолетовый' ($p = 0.072$).

Цветообозначения *rosa* 'розовый' и *lila* 'фиолетовый' в шведском языке появились относительно недавно, в последние века, постепенно сменив существовавшие до этого более старые термины с тем же значением *ljusröd*, *rosenröd* 'светло-красный', *skär* 'розовый', обозначавшие светлые оттенки в красной части спектра, и *violett* 'фиолетовый', *gredelin* 'фиолетовый', обозначавшие оттенки на пересечении красного, синего и коричневого.

Исследование показало заметные лексические изменения в системе цветоименований у различных поколений носителей шведского языка, которые плохо поддаются описанию с помощью привычных для характеристики лексических изменений терминов «сужение» и «расширение значения». По мнению исследовательницы процессы в системе цветоименований имеют настолько выраженную специфику, что нуждаются в собственной терминологии. В частности, в терминах «сдвиг» (shift), «ослабление» (attenuation), «вытеснение» (expulsion).

Термин «сдвиг» обозначает изменение денотативного значения цветоименования, когда вместо одной части цветового спектра он начинает маркировать другую.

Термин «ослабление» нужен для того, чтобы подчеркнуть заметное снижение частоты использования цветоименования, которое при этом сохраняет свои семантические

границы.

Термин «вытеснение» обозначает ситуацию, когда у цветоименования не только снижается частота использования, но и заметно сужается семантическое значение.

(3) Ошибочное использование цветоименований в пожилом возрасте

Отдельную по своей методологии группу представляют собой работы, посвященные изучению ошибочного использования цветоименований людьми пожилого и старческого возраста.

Первое подобное исследование было проведено группой шведских ученых в 1995–1996 годах [48]. В эксперименте приняли участие 189 носителей шведского языка (88 мужчин и 101 женщина) старше 80 лет. По самооценке информантов, более четверти из них (26%) страдали катарактой, 8% – глаукомой в одном или двух глазах; подавляющее большинство имело близорукость и/или дальнозоркость и использовали для чтения очки (79%). Когнитивные способности участников оценивались с помощью тестов на интеллект [49–51] и память [50; 52].

Для оценки правильности цветоименования в исследовании использовались 22 цветных карточки формата А6 (11x15 см), которые предъявлялись участникам эксперимента последовательно в одном и том же порядке. Задача участников заключалась в том, чтобы просто назвать цвет. Ответы записывались. 11 карточек показывали универсальные цветовые категории, выделенные Б. Берлином и П. Кеем [32] и кодировали 6 первичных цветов (красный, синий, желтый, зеленый, черный и белый) и пять вторичных (серый, оранжевый, фиолетовый, коричневый и розовый). Другая половина экспериментальных образцов обозначала смешанные цвета (бирюзовый, светло-желтый, светло-синий, светло-зеленый, светло-розовый, сине-серый, зелено-серый, бежевый, темно-фиолетовый, темно-зеленый и темно-синий). Карточки, соответствующие цветоименованиям, были выбраны на основе предыдущих исследований [53; 54]. Все экспериментальные образцы предъявлялись участникам на нейтральном сером фоне (NCS 4502-8).

Цветообозначение считалось правильным, если участник использовал закрепленное за карточкой цветоименование. Например, называл оранжевым цветовой образец с 50% красного и 50% желтого (NCS 0090 Y50R). Правильными считались также описательные цветоименования, например, *огненно-красный* или *смесь желтого и красного*, которые содержали в себе нужное цветообозначение в качестве компонента. Чтобы исключить ошибку, оценка правильности проводилась двумя экспертами независимо друг от друга.

Исследование показало, что все участники лучше различали соседние цвета в красной и желтой частях спектра по сравнению с зеленой и синей зонами. Больше всего ошибок испытуемых касались тона (hue) и цветности (chromaticity), что, по мнению исследователей, может быть связано с помутнением и пожелтением хрусталика и патологическими процессами, такими, как катаракта и дегенерация макулы. Лучше всего участники различали оттенки по количеству белого и черного, т.е. по светлоте.

Выявлены также гендерные различия. Женщины использовали более разнообразный словарь цветоименований, чем мужчины, и лучше различали смешанные оттенки. Намного меньше ошибок, по сравнению с мужчинами, женщины допускали, называя оранжевый, розовый, бирюзовый, бежевый и темно-зеленый. У мужчин выявлена статистически значимая корреляция точности цветоименований с показателями

интеллекта и памяти (у женщин такая связь не обнаружена).

Проведенное исследование подтвердило полученные ранее данные о снижении способности различать оттенки в синей и зеленой частях спектра [55]. Основываясь на этих данных, авторы рекомендовали использовать в оформлении среды для пожилых людей первичные цвета, которые люди старше 80 лет лучше и быстрее называют, и отдавать предпочтение красным, оранжевым и желтым оттенкам вместо зеленых, синих и фиолетовых.

В 1996–1997 эта же группа ученых продолжила исследования цветового словаря пожилых людей [56]. Используя тот же самый экспериментальный дизайн, на этот раз они изучили, как меняется способность различать цвета, процессы цветоименования и цветовые предпочтения у пожилых людей, страдающих болезнью Альцгеймера. В новом эксперименте приняли участие 50 пациентов (39 женщин, 11 мужчин) с подтвержденным диагнозом в возрасте от 65 до 89 лет (средний возраст – 80 лет, SD 4.9).

Проанализировав полученные ответы, ученые пришли к выводу, что снижение когнитивных функций и степень развития деменции заметно влияют на способность называть смешанные цвета и использовать в цветоименовании сложные цветообозначения. Исследование показало, что пациенты, страдающие деменцией, как и в целом пожилые люди, лучше различают оттенки по светлоте, чем по тону или насыщенности. Узнавание первичных цветов оказалось практически не связанным с серьезностью заболевания. Такой результат может отражать аномию [57], которая проявляется в отношении более сложных цветоименований, но отсутствует для простых, и интересен в свете гипотезы о том, что когнитивные изменения у пациентов с болезнью Альцгеймера появляются в порядке, обратном естественному развитию способностей [57]. По всей видимости, узнавание цветов по именам и различение оттенков рано усваиваются и поэтому относительно долго сохраняются, несмотря на прогрессирование болезни. Если это действительно так, полученные данные можно использовать для разработки цветового теста, позволяющего определять степень утраты когнитивных функций и развития деменции.

(4) Экспериментальное моделирование возрастных изменений

Значимый вклад в формирование теоретико-методологической базы геронтолингвистики цвета вносят исследования, в которых для изучения специфики цветового словаря пожилых людей в качестве информантов привлекаются представители совершенно другого возраста.

В основе подобных исследований лежит представление о том, что с возрастом происходят неизбежные физиологические изменения тканей и органов, участвующих в цветовом зрении: меняется плотность и пигментация хрусталика глаза, сужается зрачок, снижается острота зрения (см., напр.: [58–61]). В результате этих и других возрастных изменений пожилые люди начинают совершенно по-другому воспринимать отдельные цвета и оттенки. Больше всего меняется восприятие цвета в коротковолновой части спектра. Усиление пигментации приводит к тому, что хрусталик достаточно сильно поглощает световые волны в фиолетовой, синей и иногда даже в зеленой частях спектра. Часть спектра, ахроматическая для молодого глаза, в старом глазу становится значительно более слабой [62; 63].

По мнению ряда исследователей (см., напр.: [64–66]), пожелтение хрусталика делает цветовосприятие пожилых людей похожим на цветовое зрение жителей тропических

районов земли. Жители тропической зоны, по сравнению с жителями северных широт, подвергаются более сильному воздействию ультрафиолета. Защищаясь, их хрусталик становится мутным и желтеет. Подобным образом различается количество пигмента в коже у людей из разных широт, заметно возрастая к экватору, параллельно с ростом количества ультрафиолетовых волн. Желтый пигмент более интенсивно поглощает короткие синие и фиолетовые волны. В результате жители тропиков плохо различают оттенки синего. Именно поэтому в языке жителей тропиков отсутствуют слова, обозначающие синий и его оттенки. Чем больше развита пигментация зрачка, тем ниже его способность пропускать короткие (синие) волны и тем выше нечувствительность к синему.

Поскольку возрастные физиологические изменения носят линейный характер, исследователи предлагают различные модели, позволяющие представить себе их динамику и последствия.

Одну из наиболее известных подобных теорий развивают в своих исследованиях американские ученые Д. Т. Линдси и А. М. Браун^[67]. Их гипотеза (*lens-brunescence hypothesis*) строится на том, что возрастные физиологические изменения могут иметь сразу несколько последствий для цветоименования. Во-первых, поскольку на сетчатку будет попадать меньше света от стимулов из коротковолновой части спектра, пожилые люди будут чаще называть их темными, чем синими. Во-вторых, бледно-синие, синеватые оттенки, циан, цвет морской волны будут казаться зеленоватыми. Все это в результате должно снизить частоту использования с возрастом цветообозначения «синий».

Чтобы проверить эту гипотезу, ученые провели эксперимент по изучению цветоименований, в котором смоделировали эффект физиологического пожелтения с возрастом линзы у молодых участников, носителей американского английского. Эксперимент показал, что по мере увеличения степени желтизны линзы участники действительно называли все меньше стимулов синими или фиолетовыми, и, наоборот, чаще – зелеными. При максимальных показателях «возраста» цветообозначение *синий* полностью заместил *зеленый* и, в некоторых случаях, *серый*. Кроме того, сместились границы между желтым и зеленым и желтым и синим цветами.

Несколькими годами позже группа исследователей из Калифорнии^[68] высказала предположение, что полученные Д. Т. Линдси и А. М. Браун результаты, скорее всего, не подтвердятся, если провести эксперимент по цветоименованию непосредственно с людьми пожилого возраста. Несмотря на то, что возрастные изменения линзы были смоделированы математически корректно, Д. Т. Линдси и А. М. Браун не учли фактор хроматической адаптации, которая влияет на то, как визуальная система интерпретирует свет, попадающий на фоторецепторы.

Чтобы проверить гипотезу Д. Т. Линдси и А. М. Браун еще раз, Дж. Харди и его коллеги повторили их эксперимент^[68], изменив в его процедуре несколько важных моментов. Во-первых, они добавили еще одну возрастную группу участников: кроме молодых носителей английского языка в возрасте от 18 до 29 лет, в новом эксперименте приняли участие и пожилые люди в возрасте от 68 до 79 лет. Во-вторых, экспериментаторы добавили еще один этап в процедуру эксперимента. Теперь цветоименование тестировалось не только в условиях, когда цветовое зрение участников менялось с помощью специальных фильтров, но и в обычных условиях. Сначала участники из обеих возрастных групп проходили обычный тест на цветоименования: они должны были просто назвать цветовые образцы из эксперимента Д. Т. Линдси и А. М. Браун. И только

после этого, используя специальные фильтры, цветовое зрение молодых людей «состаривали», а цветовосприятие пожилых, наоборот, делали более молодым. Гипотеза нового эксперимента заключалась в том, что если бы предположение Д. Т. Линдси и А. М. Браун было верным, цветонаименование пожилых участников в стандартных условиях и молодых – в смоделированных должно было оказаться одинаковым и наоборот: ответы молодых участников в стандартных условиях должны были бы повторить ответы пожилых в смоделированной ситуации. В частности, ожидалось, что стимулы, обозначенные в системе Манселла как «сине-зеленые» и «синие», пожилые люди в обычных условиях и молодые в смоделированных будут гораздо чаще называть зелеными, чем молодые люди в обычных условиях и пожилые люди в смоделированных.

Как и в эксперименте Д. Т. Линдси и А. М. Браун, молодые участники, которые смотрели на цвета через фильтры, моделирующие пожелтение линзы в процессе старения, гораздо чаще использовали цветонаименование *зеленый* вместо *сине-зеленый* и *розовый* вместо *фиолетовый*. Однако, вопреки ожиданиям, эксперимент показал, что в обычных условиях (без фильтров) возрастных различий в цветонаименовании участников разного возраста практически не наблюдается. Пожилые и молодые участники эксперимента называют одни и те же цветовые образцы практически одинаково, в том числе, в синей и зеленой частях цветового спектра, что, по мнению исследователей может быть связано с процессами цветовой константности и хроматической адаптации (см., напр.: [69]). Этот вывод подтверждают и проведенные ранее исследования, согласно которым с возрастом не происходит смещение локусов отдельных тонов [70], изменение размеров цветовых категорий [71] и цветонаименований (на материале японского языка: [72]).

Выводы

Анализ научных источников по обсуждаемой проблематике с точки зрения сопоставления тем, эмпирического задела, методов и методологии изучения цветового словаря пожилой популяции позволяет сделать ряд важных выводов о состоянии исследований в области геронтолингвистики цвета.

Во-первых, систематических исследований механизмов цветонаименования в пожилом и старческом возрасте, на сегодняшний день не существует. Отдельные исследования посвящены обсуждению размеров и границ основных и неосновных цветовых категорий, анализу размера и структуры словаря цветонаименований в речи различных поколений носителей определенного языка, и экспериментальному моделированию связанных с возрастом физиологических изменений цветового зрения. Эти исследования в основном сосредоточены на сравнительном анализе и выявлении расхождений между разными возрастными группами или разными поколениями. Анализ причин выявленных различий в них, как правило, отсутствует, а специфика цветового словаря возрастной группы людей пожилого возраста находится не в центре внимания, а на его периферии. За пределами исследовательского фокуса все еще остается количественное описание размеров словаря у пожилых людей и его динамики, выявление степени его лексического разнообразия и отчетливой структуры.

Во-вторых, средний возраст статей, анализирующих цветовой словарь пожилых людей, составляет почти двадцать лет (таблица 1). К сожалению, более свежих работ крайне мало, а если они и есть, то люди в возрасте в них не в центре исследовательского интереса, а скорее привлекаются как группа для сравнения.

В-третьих, продолжая давнюю традицию объяснения лингвистических механизмов

цветонаименования через физиологические процессы (см., напр.: [73; 74]), в большинстве имеющих работ связанные с цветом изменения лингвистических показателей в пожилом и старческом возрасте рассматриваются исключительно с точки зрения биологических процессов. Вместе с тем, анализ геронтологических исследований убеждает в том, что старение представляет собой многогранный и сложный процесс непрерывной адаптации, с одной стороны, к внешним условиям, с другой – к внутренним изменениям (имеется в виду биологическое здоровье, сенсорные, моторные, когнитивные функции). Как следствие, определенный вклад в разработку проблемы могут внести исследования, которые касаются памяти и других когнитивных ресурсов, обсуждают воздействие на язык пожилых людей социальных и культурных факторов.

В-четвертых, положительным моментом большинства исследований является использование стандартизированных цветовых образцов различных систем (атлас Манселла, каталог Естественной системы цвета NCS, цветовые карточки Color Aid и др.), которые обеспечивают точность и воспроизводимость полученных результатов. Однако высокий процент сопутствующих заболеваний, которые, скорее всего, сказываются на цветовом зрении (см., напр. [48; 56]), говорит о необходимости корректировки инструментария и дизайна экспериментального исследования цветового словаря пожилых людей таким образом, чтобы можно было собирать информацию не только о нарушениях цветового зрения (дальтонизм и т.п.), но и о сопутствующих заболеваниях – катаракте, глаукоме, близорукости, дальнозоркости и т.п. Целесообразно также проводить оценку когнитивных способностей участников с использованием различных тестов на интеллект и память.

Таблица 1

Обзор исследований в области геронтолингвистики цвета

Источник	Год исследования	Язык информантов	Количество информантов (f/m)	Возраст: диапазон, средний (M)	Количество карточек	Цветовая система	Дополнительные тесты
Kay, 1975 [33]	не указан	агуаруна (Северный Перу) футунский (Полинезия) бинумарисе (Папуа Новая Гвинея)	34 5 16 5 17 21 19 6	M=33.32 M=22.30 M=21.44 M=45.00 M=48.32 M=35.14 M=41.32 M=27.83	не указано	Munsell	не проводилось
Dougherty, 1977 [34]	не указан	футунский	24 (дети) 45 (взрослые) 5 18 21	9–15 M=45.0 M=48.3 M=35.1	410	Munsell	не проводилось
Rich, 1977 [43]	не указан	английский	не указано	20–60	25	Crayola (Munsell)	не проводилось
Simpson, Tarrant, 1991 [44]	не указан	английский	24 (13/11) 26 (13/13)	<30 >40	200	ISCC-NBS	Ishihara (1996)
Samarina, 2007 [38]	1989–1993	кабардино-черкесский, адыгейский, карачаево-балкарский, осетинский, ногайский, абазинский, ингушский, аварский, даргинский, грузинский, азербайджанский (Северный Кавказ)	116 (85/31)	20–99	не указано	не указана	не проводилось
Eorbes, 2006 [35]	1975, 1995	французский	22 22	не указан	не указано	Munsell	не проводилось
Wijk et al., 1999 [48]	1995-1996	шведский	189 (88/101)	>80	22	NCS	Самооценка цветового зрения, тесты на интеллект (Raven, 1960; Wechsler, 1958; Dureman, Salde, 1959) и память (Wechsler, 1945, 1958)

Wijk et al. 1999 [56]	1996-1997	шведский	50 (39/11)	65-89 M=80±4.9	22	NCS	Jaeger test (Linksz, 1975), Mini-Mental Test (ММТ) (Folstein et al., 1975)
Lindsey & Brown, 2002 [67]	не указан	американский английский	15	16-27	40	Munsell	Не проводились
Hardy et al., 2005 [68]	не указан	английский	10 (5/5) 10 (5/5)	18-29 M=23.2 68-79 M=73.9	40	Munsell	Офтальмологическое и оптометрическое обследование (метод не указан)
Рябина, 2010 [45]	2007-2008	удмуртский	111 (67/44)	9-77	65	Цветовой спектр Оствальда, карточки Color Aid	The City University Color Vision Test (Fletcher, 1980)
Desgranges, 2011 [36]	не указан	французский немецкий	26 (16/10) 26 (16/10)	11-90	62	Munsell	не проводились
Lillo et al., 2012 [37]	не указан	испанский	45	19-98	102	NCS	Ishihara (1996), the City University Color Vision Test (Fletcher, 1980), Lanthony (1985)
Vejdemo, 2018 [47]	2011 2014	шведский	19 (10/9) 19 (10/9)	19-37 M=25 55-67 M=61	84	Munsell	не проводились
Griber, Paramsi, Mylonas, 2019 [40]	2018-2019	русский	2475 (1402/1073)	16-95 M=42.54 ±17.71)	606	Munsell	Dynamic Colour Vision Test (Barbur, 2004).

Библиография

1. Харченко В. К. Некоторые причины «белых пятен» на карте лингвистического поиска // Вестник РУДН. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 2. С. 85-94.
2. Wingfield A., Stine-Morrow E. A. L. Language and speech // Craik F. I. M., Salthouse T. A. (Eds.). The handbook of aging and cognition. 2nd ed. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2000. P. 359-416.
3. Burke D. M., Shafto M. A. Language and aging. In Craik F. I. M., Salthouse T. A. (Eds.). The handbook of aging and cognition. Psychology Press, 2008. P. 373-443.
4. Stuart-Hamilton I. The psychology of ageing: An introduction. 5th ed. London: Jessica Kingsley, 2012.
5. Pichler H., Wagner S. E., Hesson A. Old age language variation and change: Confronting variationist ageism // Language and Linguistics Compass. 2018. Vol. 12. E12281.
6. Clark-Cotton M. R., Williams R. K., Goral M., Obler L. K. Language and communication in aging // Birren J. E. (Ed.). Encyclopedia of gerontology: Age, aging, and the aged. 2 ed. London: Elsevier, 2007. P. 1-8.
7. Connor L. T., Spiro A., Obler L. K., Albert M. L. Change in Object Naming Ability During Adulthood // The Journals of Gerontology. Series B. 2004. Volume 59, Issue 5. P. 203-209.
8. Burke D. M., MacKay D. G., James L. E. Theoretical approaches to language and aging // Perfect T., Maylor E. (Eds.). Models of cognitive aging. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 204-237.
9. Kemper S. Language in adulthood // Bialystok E., Craik F. I. M. (Eds.). Lifespan cognition: Mechanisms of change. New York: Oxford University Press, 2006. P. 223-238.
10. Thornton R., Light L. L. Language comprehension and production in normal aging // Birren J. E., Warner Schaie K. (Eds.). Handbook of the psychology of aging. Burlington, MA: Elsevier, 2006. P. 262-287.
11. Kemper S., Sumner A. The structure of verbal abilities in young and older adults // Psychology and Aging. 2001. No. 16. P. 312-322.
12. Verhaeghen P. Aging and vocabulary score: A meta-analysis. Psychology & Aging.

2003. No. 18. P. 332–339.
13. Brysbaert M. et al. How many words do we know? Practical estimates of vocabulary size dependent on word definition, the degree of language input and the participant's age // *Frontiers in Psychology*. 2016. No. 7 P. 1116.
 14. Wulff D. U., De Deyne S., Jones M. N., Mata R. The Aging lexicon consortium. New Perspectives on the Aging Lexicon // *Trends in Cognitive Sciences*. 2019. Vol. 23, No. 8. P. 686–698.
 15. Ackerman P. L., Rolfhus E. L. The locus of adult intelligence: Knowledge, abilities and nonability traits // *Psychology & Aging*. 1999. No. 14. P. 314–330.
 16. Beier M. E., Ackerman P. L. Current-events knowledge in adults: An investigation of age, intelligence, and nonability determinants // *Psychology & Aging*. 2001. No. 16. P. 615–628.
 17. Nadeau S. E. Aging-Related Alterations in Language // *Cognitive Changes and the Aging Brain* / ed. by K. M. Heilman, S. E. Nadeau. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 106–126.
 18. Lindenberger U., Baltes, P. B. Intellectual functioning in old and very old age: Cross-sectional results from the Berlin Aging Study // *Psychology and Aging*. 1997. No. 12. P. 410–432.
 19. James L. E., MacKay D. G. H.M., word knowledge and aging: Support for a new theory of long-term retrograde amnesia // *Psychological Science*. 2001. No. 12. P. 485–492.
 20. MacKay D. G., James L. E. The binding problem for syntax, semantics, and prosody: H.M.'s selective sentence-reading deficits under the theoretical-syndrome approach // *Language and Cognitive Processes*. 2001. No. 16. P. 419–460.
 21. MacKay D. G. Aging, memory and language in amnesic HM // *Hippocampus*. 2006. No. 16. P. 491–495.
 22. McIntyre J. S., Craik F. I. M. Age differences in memory for item and source information // *Canadian Journal of Psychology*. 1987. No. 41. P. 175–192.
 23. Schacter D. L., Osowiecki D., Kaszniak A. W., Kihlstrom J. F., Valdiserri M. Source memory: Extending the boundaries of age-related deficits // *Psychology and Aging*. 1994. No. 9. P. 81–89.
 24. Fisher G. G. et al. Mental work demands, retirement, and longitudinal trajectories of cognitive functioning // *Journal of Occupational Health Psychology*. 2014. No. 19. P. 231–242.
 25. Wrzus C. et al. Social network changes and life events across the life span: a meta-analysis // *Psychological Bulletin*. 2013. No. 139. P. 53–80.
 26. Zickuhr K., Madden M. Older adults and internet use // Pew Research Center. *Internet & Technology*. 2012. URL: www.pewinternet.org/2012/06/06/older-adults-and-internet-use/ (режим доступа: 12.05.2020).
 27. Burke D. M., Shafto M. A. Aging and language production // *Current Directions in Psychological Science*. 2004. No. 13. P. 21–24.
 28. Bowie D. Aging and sociolinguistic variation // Duszak A., Okulska U. (Eds.). *Language, culture and the dynamics of age*. Berlin: de Gruyter, 2011. P. 29–51.
 29. Eckert P. Age as a sociolinguistic variable // Coulmas F. (Ed.). *The handbook of sociolinguistics*. Oxford: Blackwell, 1997. P. 151–167.
 30. Llamas C. Age // Llamas C., Mullany L., Stockwell P. (Eds.). *The Routledge companion to sociolinguistics*. London: Routledge, 2006. P. 69–76.
 31. Coupland N. Age in social and sociolinguistic theory // Coupland N., Sarangi S., Candlin

- C. N. (Eds.). *Sociolinguistics and social theory*. London: Pearson, 2001. P. 185–211.
32. Berlin B., Kay P. *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press, 1991 (original work published 1969).
 33. Kay P. Synchronic variability and diachronic change in Basic Color Terms // *Language in Society* 1975. No. 4 (3). P. 257–270.
 34. Dougherty J. W. D. Color Categorization in West Futunese: Variability and Change // Blount B. G. (Ed.). *Sociocultural Dimensions of language change*. New York: Academic, 1977. P. 143–148.
 35. Forbes I. Age-related differences in the basic colour vocabulary of French // Biggam C. P., Kay C. J. (Eds.). *Progress in colour studies. Language and culture*. Amsterdam / Philadelphia: Benjamins, 2006. P. 101–109.
 36. Desgrippes M. *Sur les traces de l'évolution de la catégorie orange*. Université de Fribourg: MA thesis, 2011. URL: <http://doc.rero.ch/record/27075> (дата обращения: 12.05.2020).
 37. Lillo J., Moreira H., del Tio L. P., Alvaro L., del Carmen Duran, M. Basic Color Terms Use by Aged Observers: Lens Aging and Perceptual Compensation // *The Spanish Journal of Psychology*. 2012. Vol. 15, No. 2, P. 453–470.
 38. Samarina L. V. Gender, age, and descriptive colour terminology in some Caucasus cultures // *Anthropology of Colour: Interdisciplinary Multilevel Modeling* / ed. by R. E. MacLaury, G. V. Paramei, D. Dedrick. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 457–466.
 39. Самарина Л. В. Гендерный диморфизм в цветовой терминологии народов Кавказа // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 1. С. 67–83.
 40. Griber Yu. A., Paramei G. V., Mylonas D. «Edible» colour names: Age-related differences in Russian // *AIC 2019. Color and Landscape. Book of Proceedings* / ed. by J. L. Caivano. Buenos Aires: International Color Association, 2019. P. 256–262.
 41. Kristol A. M. Colour systems in Southern Italy: A case for regression // *Language*. 1980. No. 56. P. 137–145.
 42. Woodworth R. S. The puzzle of color vocabularies // *Psychological Bulletin*. 1910. No. 7. P. 325–328.
 43. Rich E. Sex-related differences in colour vocabulary // *Language and Speech*. 1977. No. 20. P. 404–409.
 44. Simpson J., Tarrant A. W. Sex-and age-related differences in color vocabulary // *Language and speech*. 1991. Vol. 34. P. 57–62.
 45. Рябина Е. С. Словарный запас цветообозначений у удмуртов: гендерные и возрастные различия // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2010. № 2. С. 127–135.
 46. Ryabina E. Differences in the distribution of color terms in color space in the Russian, Udmurt and Komi languages // *Journal of Estonian Finno-Ugric Linguistics*. 2011. No. 2. P. 191–213.
 47. Vejdemo S. Lexical change often begins and ends in semantic peripheries. Evidence from color linguistics // *Pragmatic & Cognition*. 2018. No. 25 (1). P. 50–85.
 48. Wijk H., Berg S., Sivik L., Steen B. Color discrimination, color naming and color preferences in 80-year olds // *Aging Clinical and Experimental Research*. 1999. Vol. 11, Issue 3. P. 176–185.
 49. Raven J. E. *Guide to the standard progressive matrices*. London: H.K. Lewis, 1960.
 50. Wechsler D. *The measurement and appraisal of adult intelligence*. Baltimore: Williams

- & Wilkins Co, 1958. P. 1–297.
51. Dureman I., Salde H. Studies in psychometric and experimental methods for the clinical evaluation of mental functioning. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1959. P. 1–106.
 52. Wechsler D. A standardized memory scale for clinical use // *Journal of Psychology*. 1945. No. 19. P. 87–95.
 53. Sivik L., Hard A. Namn pd fiirger. En karliiggnig i NCS av de vanligaste fiirgorden // *Fiirgrappport*. 1984. No. 24. Skandinaviska Farginstitutet, Stockholm. P. 1–24.
 54. Sivik L., Taft E. Colour Naming. A Mapping in the NCS of the Most Common Colour Names // *Scandinavian Journal of PsychoIogy*. 1994. No. 35. P. 144–164.
 55. Cooper B., Ward M., Gowland C., Mcintosh J. M. The use of the Lanthony New Color test in determining the effects of aging on color vision // *Journal of Gerontology*. 1991. No. 46. P. 320–324.
 56. Wijk H., Berg S., Sivik L., Steen B. Color discrimination, color naming and color preferences among individuals with Alzheimer’s Disease // *International Journal of Geriatric Psychiatry*. 1999. Vol. 14. P. 1000–1005.
 57. Reisberg, B. Dementia: A systematic approach to identifying reversible causes // *Geriatrics*. 1986. No. 41(4). P. 30–46.
 58. Cristarella M. Visual functions of the elderly // *American Journal of Occupational Therapy*. 1977. No. 31 (7). P. 432–440.
 59. Pokorny J., Smith V.C., Lutze M. Aging of the human lens // *Applied Optics*. 1987. No. 26. P. 1437–1440.
 60. Ishihara K., Ishihara S., Nagamachi M., Hiramatsu S., Osaki H. Age-related decline in color perception and difficulties with daily activities-measurement, questionnaire, optical and computer-graphics simulation studies // *International Journal of Industrial Ergonomics*. 2001. Vol. 28. P. 153–163.
 61. Xu J., Pokorny J., Smith V. C. Optical density of the human lens // *Journal of the Optical Society of America*. 1997. Vol. 14, No. 5. P. 953–960.
 62. Webster M. A., Kay P. Individual and population differences in focal colors // *Anthropology of Colour: Interdisciplinary Multilevel Modeling* / ed. by R. E. MacLaury, G. V. Paramei, D. Dedrick. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 29–54.
 63. Webster M. A., Miyahara E., Malkoc G., Raker V. E. Variations in normal color vision. II. Unique hues // *Journal of the Optical Society of America*. 2000. No. 17. P. 1545–1555.
 64. Bornstein M. H. Color Vision and Color Naming: A Psychophysiological Hypothesis of Cultural Difference // *Psychological Bulletin*. 1973. No. 80. P. 257–285.
 65. Bornstein M. H. The Psychophysiological Component of Cultural Difference in Color Naming and Illusion Susceptibility // *Behavior Science Notes*. 1973. No. 8. P. 41–101.
 66. Bornstein M. H. The Influence of visual perception on culture // *American Anthropologist*. 1975. No. 77. P. 774–798.
 67. Lindsey D. T., Brown A. M. Color naming and the phototoxic effects of sunlight on the eye // *Psychological Science*. 2002. No. 13. P. 506–512.
 68. Hardy J. L., Frederick C. M., Kay P., Werner J. S. Color Naming, Lens Aging, And Grue: What the Optics of the Aging Eye Can Teach us About Color Language // *Psychological Science*. 2005. No. 16. P. 321–327.
 69. Kraft J. M., Brainard D. H. (Mechanisms of color constancy under nearly natural viewing // *Proceedings of the National Academy of Sciences, USA*. 1999. No. 96. P. 307–312.
 70. Schefrin B. E., Werner J. S. Loci of spectral unique hues throughout the life span //

- Journal of the Optical Society of America. 1990. No. 7. P. 305–311.
71. Scheffrin B. E., Werner J. S. Age-related changes in the color appearance of broadband surfaces // Color Research and Application. 1993. No. 18. P. 380–389.
72. Okajima K., Yamashita K., Takamura Y., Watanabe K., Tsuchiya N. Color perception of the elderly: Experiments and simulations // Proceedings of the International Conference for Universal Design. Yokohama, Japan: International Association for Universal Design, 2002. P. 238–244.
73. Gladstone W. E. The colour sense // The Nineteenth Century. 1877. No. 2. P. 366–388.
74. Rivers W. H. R. Vision // Reports on the Cambridge Anthropological Expedition of the Torres Straits / ed. by A. C. Haddon. Vol. II. Physiology and psychology. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1901. P. 1–132

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья отличается выбором темы и конкретикой предметного ореола. В современной лингвистике, действительно, появляется ряд «контрастных» исследований, которые в принципе вписываются в формат изучения речевой деятельности. Работы на стыке нескольких дисциплин практически всегда являются интересными, они заслуживают должного внимания. Собственно это и можно сказать о данном сочинении. Привлекает в статье точность заголовочного комплекса, но, на мой взгляд, это не только обоз – это еще и рисуемая научная перспектива. Во введении обозначено, что «речь пожилых людей, старческая речь традиционно считается одним из «белых пятен» на карте современной лингвистики, что во многом объясняется трудностью сбора материала и сложностью отделения действительно «возрастного» от социального, гендерного, профессионального, индивидуального, которые, к тому же меняются со сменой эпох». Благо научные лакуны понемногу начинают заполняться, появляются статьи, монографии, высказываются концептуальные точки зрения. В целом сложность верификации и объективации геронтолингвистики как одного из видов языковедения в том, что весьма трудно определиться с «возрастными границами», кого «причислять к категории пожилых людей». «Экспериментальные исследования речи пожилых людей свидетельствуют о том, что разные языковые способности с возрастом меняются в разной степени». Кстати, с этим сложно не согласиться, но бывают и исключения – а это немаловажный фактор. Следовательно, ориентир только на лексику, либо морфологию, либо синтаксис не вполне продуктивен. Должен быть выработан свой уникальный метод анализа, но это – перспектива. Автор проводит систематизацию исследований, которые касаются геронтолингвистики цвета. На мой взгляд, эта «ниша» неплохо представлена как в отечественном, так и зарубежном языкознании. Четкость/строгость работы – введение – основная часть – выводы – может говорить о серьезном отношении автора к выбранной проблеме, да и получается сделать это в целом очень качественно. Статья характерна логика перехода от одной части к другой, это позволяет потенциальному читателю учитывать маркеры, ориентиры частных точек зрения. При этом незаметно желание автора обобщать, предлагать концептуальный расклад имеющихся источников: «все эти и подобные исследования убедительно показывают, что люди разного возраста различаются по количеству и содержанию опыта, профессиональному статусу, социальными связями, опыту использования Интернета и социальных сетей, что не может не отразиться на их языке: меняется ментальный лексикон, языковое

варьирование, лексическое разнообразие и размер словаря, способность обозначать объекты и осуществлять лексическое извлечение, а также другие языковые домены...». Методология исследования имеет оттенки описательного, аналитического, системного, эмпирического характера. Весь указанный ряд вполне подходит для работ около «реферативного» типа. Хорошо, что в тексте есть дифференциация на т.н. параграфы, пункты, подпункты – «Размер и границы отдельных цветковых категорий, «Неосновные цветонаименования», «Размер и структура цветного словаря», «Сложность цветного словаря» и т.д. На мой взгляд, именно таким образом формируется/манифестируется принцип анализа работ по геронтолингвистике цвета. То есть в этом и заключается новизна исследования. Работа достаточно актуальна, как отмечено ранее, она должна быть интересна широкой читательской аудитории, и это не только специалиста данной области. Наблюдение за природой языка, его изменениями есть важная составляющая самообразования, личностного взросления. Большая часть тезисов/цитат максимально объективна, фактических нарушений нет. Например, «эксперимент показал, что с возрастом цветовой словарь становится проще, причем больше всего он меняется у мужчин: мужчины старшего возраста реже, чем более молодые мужчины, используют цветные термины, не образованные от основных, и чаще повторяют одни и те же цветонаименования, чтобы обозначить разные цвета. По шкале эксперимента разница между молодыми мужчинами и мужчинами в возрасте составляет 9 баллов (56 и 47 баллов соответственно). В женской группе возрастные различия сложности цветного словаря не выявлены», или «проанализировав полученные ответы, ученые пришли к выводу, что снижение когнитивных функций и степень развития деменции заметно влияют на способность называть смешанные цвета и использовать в цветонаименовании сложные цветообозначения. Исследование показало, что пациенты, страдающие деменцией, как и в целом пожилые люди, лучше различают оттенки по светлоте, чем по тону или насыщенности. Узнавание первичных цветов оказалось практически не связанным с серьезностью заболевания», или «значимый вклад в формирование теоретико-методологической базы геронтолингвистики цвета вносят исследования, в которых для изучения специфики цветного словаря пожилых людей в качестве информантов привлекаются представители совершенно другого возраста». Автор по ходу формирования собственно текста периодически дает качественную оценку исследованиям по проблеме геронтолингвистике и делается это концептуально, без нарочитой субъективности. Статья самостоятельна, индивидуальна, материал будет полезен при подготовке к семинарским, практическим, лекционным занятиям. Содержательный уровень работы информативен и объем, примечательно, что хронологический разбег проанализированных исследований в области геронтолингвистики цвета начинается с 1975 года, а заканчивается 2019. Это все включено в таблицу, которая составлена с учетом «сплошного» анализа материала. Завершают статью выводы, они, на мой взгляд, поднимают и актуализируют проблему геронтолингвистики в целом. Автор тезисует, что «систематических исследований механизмов цветонаименования в пожилом и старческом возрасте, на сегодняшний день не существует», «средний возраст статей, анализирующих цветовой словарь пожилых людей, составляет почти двадцать лет (см. таблицу). К сожалению, более свежих работ крайне мало, а если они и есть, то люди в возрасте в них не в центре исследовательского интереса, а скорее привлекаются как группа для сравнения», «продолжая давнюю традицию объяснения лингвистических механизмов цветонаименования через физиологические процессы, в большинстве имеющихся работ связанные с цветом изменения лингвистических показателей в пожилом и старческом возрасте рассматриваются исключительно с точки зрения биологических процессов»... Лишь последний вывод имеет благоприятный характер: «положительным моментом

большинства исследований является использование стандартизированных цветовых образцов различных систем (атлас Манселла, каталог Естественной системы цвета NCS, цветные карточки Color Aid и др.), которые обеспечивают точность и воспроизводимость полученных результатов». Отмечу, что при таком объеме, весьма умело и качественно проведен анализ источников, дана целостная характеристика одной из «лакун» лингвистического порядка. Библиография к тексту полностью отражена в основном тексте массиве, технические требования по оформлению учтены. Статья «Геронтолингвистика цвета: обзор исследований» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».